

рым обычаем, в силу которого общество не позволяет вдовцу или вдове вступать во второй брак, пока не сдадут полностью сиротского имущества и пока не будет вполне устроение сиротское дело» [6, л. 7].

Кроме того, кадровая политика в губернии учитывала этноконфессиональные особенности региона. Так, по итогам ревизии, было рекомендовано сменить земского начальника в связи с тем, что «Участок большой, с русским и татарским населением (татары в четырех огромных деревнях Осиновогайской волости), который требует знающего дело и энергичного начальника» [6, л. 7] Этот фрагмент подчеркивает необходимость оперативного, компетентного руководства в условиях смешанного населения, где баланс интересов различных конфессий и языков требует тонкой управленческой компетенции.

Подводя итоги, отметим, что анализ материалов по Самарской губернии демонстрирует, что эффективное управление этноконфессиональным многообразием требовало органического сочетания экономических инструментов и правовых рамок. При этом результативность земских начальников на местах определялась не столько формальным соблюдением регламентов и наличием бюджетного финансирования, сколько способностью адаптировать административное поведение к специфике конкретного участка.

Библиографический список

1. Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889-1917 гг.: дис. ... к.и.н. Тамбов, 2005.
2. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970.
3. Кожухар К. Я. Земские начальники // Вестник права. 1905. № 5, 8, 9.
4. Леонтьева О.Б. Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в. по данным статистических источников // Вестник СамГУ. 2013. №8/2.
5. Мамонт Е.В. Земские начальники Самарской и Уфимской губерний в 1891-1914 гг.: направления деятельности и социальный облик: дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2017.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 342. Оп. 1. Д. 65.

М.С. Иванова

Оренбургский государственный педагогический университет

ПРАКТИКА ПЕРЕНОСА ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ: МАРГИНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ СТОЛИЦЫ И ОРЕНБУРГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Набор методов имперской России по борьбе с проституцией изменялся на протяжении всего ее существования. Смена курса на противостояние с венерическими заболеваниями, а не с самим явлением, обусловила потерю популярности административной высылки как основного средства борьбы.

На смену ей пришла территориальная дифференциация — перенос публичных домов на окраины города.

Оседание публичных домов и «ненадежных» элементов в отдаленных частях города не лишало общество возможности коммуницировать с ними, но и строго очерчивало своеобразную черту оседлости. Подобная изоляция только сильнее подчеркивала маргинальный характер конкретной части населения. В мае 1885 года совместными обсуждениями городской управы и думы решался вопрос о выдворении проституток из второй части города в четвертую, которая в отношении охраны порядка была в тех же условиях, что и 2-я часть. Главной причиной послужило обращение граждан, жаловавшихся на посетителей. Вред же «картин цинического свойства» на молодежь не подлежал сомнению [7, л. 2 об.]. В. М. Тарновский отражал в своих трудах бытовавшее в России мнение, что ряд женщин имеет естественную предрасположенность к пороку и только традиционное семейное влияние может оградить молодежь от этой болезни соблазнения [5, с. 60–61].

Однако реализация данного переноса затянулась и вскрыла новые «язвы» — наличие тайных притонов на квартирах. В 1897 году в Городской думе обсуждался вопрос об ограничении рекламы публичных домов. Примерно в это же время снова поднимались просьбы о переносе домов терпимости из центра на окраины города. Этот факт демонстрирует некоторую тщетность ранее установленных государством ограничений, согласно которым их открытие разрешалось на расстоянии не менее 150 саженей от церквей, школ, общественных заведений [6]. Подобное обстоятельство характеризует дело солдатки Новиковой, которой запретили открыть бордель вблизи церкви Дмитрия Солунского [4, с. 69]. Такое переселение влияло на рост криминализации клиентов публичных домов, требовавших бесплатного оказания услуг [1, с. 1156]. Попытки найти другие способы решения проблемы через дистанцирование проявлялись и в других радикальных идеях. Например, военный врач Шмидт в 1870 году предлагал в Гродно не выпускать проституток из публичных домов без разрешения полиции [2, с. 52].

Перенос публичных домов был естественным при разрастании города, публичные дома которого из окраины плавно оказывались в самом центре, на одних улицах с государственными учреждениями. Их перенос есть в практике не только провинциальных центров, но и столицы. При этом сама локация домов терпимости и жриц любви могли разниться. В 40–50-х гг. XIX века такие заведения в Петербурге чаще можно было встретить в районе современного Суворовского проспекта, где деревянные дома напоминали глухую провинцию. Позже они переместились в районы Сенной площади [8, с. 73]. Самые роскошные места располагались по обе стороны от Екатерининского канала, на Мещанской и Итальянской улицах [6]. В Москве подобные значные места наиболее проиллюстрированы в книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», где знаменитая Хитровка не может существовать без десятилетних пьяных проституток [3, с. 35].

Таким образом, перенос публичных домов на окраины города не мог оградить общество от самой проблемы и тем более искоренить ее. Однако проституированные районы могут быть рассмотрены с точки зрения уникальной маргинальной культуры и условий ее складывания в городской повседневности провинций и центра.

Библиографический список

1. Бурлупкая (Банникова) Е.В. Тайное повседневное. Горожанки в сфере коммерческих интим-услуг в Оренбургской губернии во второй половине XIX века // Былые годы. 2019. Т. 3. № 53. С. 1153-1166.
2. Воронич Т.В. Административно-полицейское регулирование проституции в городах Беларуси: вторая половина XIX – начало XX в. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019. № 1. С. 46-56.
3. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 2018.
4. Иванова М.С. Из жизни провинциальной проституции 1892-1893 годов: по архивным материалам Оренбургской губернии // Платоновские чтения: Материалы и доклады XXX Всероссийской конференции молодых историков, Самара, 06–07 декабря 2024 года. Самара, 2024. С. 68-69.
5. Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М., 2010.
6. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. М.: Прогресс-академия, 1994. https://statehistory.ru/books/N-B—Lebina—M-V—SHkarovskiy_Prostitutsiya-v-Peterburge/ (дата обращения: 19.11.2025)
7. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 25.
8. Синова И.В. Маргиналы в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2016. № 1(1). С. 63-77.

С.Д. Калинина

Самарский национальный исследовательский университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРАЧЕБНО-ПОЛИЦЕЙСКИХ КОМИТЕТОВ ПО КОНТРОЛЮ ПРОСТИТУЦИИ

Исследование деятельности врачебно-полицейских комитетов представляет несомненную актуальность, поскольку позволяет нам выявить степень вовлеченности государства в регулирование социально опасных явлений и оценить эффективность принятых мер, сочетавших полицейский надзор и санитарный контроль.

Историографию изучения врачебно-полицейских комитетов можно разделить на несколько этапов. До революции 1917 года многие исследователи, особенно медики и общественные деятели, резко критиковали саму идею такого надзора, считая его унижительным и неэффективным. В советский период тему рассматривали в основном через призму классового подхода — как еще одно проявление «царского произвола» и «буржуазного разложения». Сегодня историки рассматривают комитеты как сложный институт социального контроля, анализируя его правовые, административ-